

RU

Образы женщин в повести «Эфирный тракт» А. П. Платонова: опыт построения типологии

Хейдари Марзийе

Аннотация. Цель исследования - выстроить подробную типологию женских образов фантастической повести Андрея Платонова «Эфирный тракт». В статье демонстрируется, что основные женские персонажи повести отражают три возраста и три функции женственности. Женщина как «плоть мира» ждет мужской преобразовательной энергии, одушевляет активное, а потому агрессивное мужское начало. Научная новизна исследования заключается в том, что в статье впервые разработана и представлена детальная типология женских образов повести Андрея Платонова «Эфирный тракт». Полученные результаты показали, что образы женщин оттеняют и дополняют основные мужские образы повести, а значит, участвуют в их формировании.

EN

Women's Images in A. P. Platonov's Novella "The Ethereal Tract": An Experience of Typology Creation

Heidari Marzieh

Abstract. The purpose of the research is to create a detailed typology of women's images found in Andrey Platonov's fantasy novella "The Ethereal Tract". The paper demonstrates that the main female characters of the novella reflect three ages and three functions of femininity. A woman as the "flesh of the world" waits for male transformative energy, animates an active and therefore aggressive masculine principle. The paper is original in that it is the first to develop and present a detailed typology of women's images found in Andrey Platonov's novella "The Ethereal Tract". The research findings have shown that women's images make the main men's images of the novella more prominent and complement them, thus participating in their formation.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью подробной, детальной типологии женских образов в ранних произведениях А. П. Платонова, несмотря на их особую роль и значимость в построении образов ведущих мужских персонажей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть философию женщины А. П. Платонова на основании его публицистических работ исследуемого периода; во-вторых, проанализировать повесть «Эфирный тракт» на предмет наличия в ней женских образов; в-третьих, описать их основные черты, выявив общие и специфические.

Для решения поставленных задач в статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-типологический, функциональный.

Теоретической базой исследования, наряду с публицистическими работами А. П. Платонова 1920-х годов, послужили исследования произведений А. П. Платонова (Баршт, 2001; Кириллова, 2007; Костов, 2000; Малыгина, 1977; 1995; Яблоков, 1992; 1994), в том числе исследования женских образов в произведениях А. П. Платонова разных лет (Митина, 2008; Чернышева, 2017).

Практическая значимость исследования состоит в возможном использовании разработанной типологии в вузовских курсах по истории русской литературы XX века, в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных прозе А. П. Платонова; материалы статьи могут быть применены при составлении антологий и комментировании платоновских повестей и рассказов.

Основная часть

Фантастические произведения Платонова 1920-х гг. в создании женских образов опираются на его публицистические работы тех же лет, где женщина предстает амбивалентно: «...с одной стороны, – существо

сексуальное, носитель неконтролируемой стихии... с другой стороны, только женщина-мать способна родить человечеству Сына-искупителя, “последнего ребенка”, который преодолет разьединенность мира, победит смерть и отменит деторождение...» (Малыгина, 1995, с. 116). Женские персонажи ранних произведений эпизодичны, не имеют яркой индивидуальности и сопряжены так или иначе с персонажами-мужчинами. Все это, как отмечает Е. А. Яблоков (1992, с. 246-247), скорее указывает на их тождество, – на то, что за многочисленными женскими персонажами раннего Платонова отчетливо виден единый образ Софии, обобщенно-символическая реализация архетипа Вечной Женственности. На наш взгляд, именно подходом к женским образам в художественных произведениях А. П. Платонова как к тождественным, идущим из единого источника объясняется отсутствие подробной их типологии.

В статье «Душа мира» писатель так описывает женщину: «Она есть живое, действенное воплощение сознания миром своего греха и преступности. Женщина есть его покаяние и жертва, его страдание и искупление. Кровавый крест мира с смеющейся, прекрасной жертвой». Далее, развивая эту мысль, писатель утверждает, что женщина – это тайное, сокровенное существо: «Она улыбается, истекает кровью, кричит от боли, когда рождает человека, а после любит без конца то, что ее мучило» (Платонов, 2004, с. 47-48). Поэтому в произведениях А. П. Платонова женские персонажи представляют для исследователя особый интерес: они более символичны, чем мужские. По мнению Е. А. Яблокова (1994), женские образы раннего Платонова «приближены к идеальному существу, способному помочь в преодолении разделения, существующего в мире: в них воплощена мудрость земли, мудрость бытия» (с. 201). Е. А. Яблоков (2015) считает основной женский тип в произведениях Платонова «софийным», иными словами, воплощающим идею всеединства, общности с бытием: «Для платоновских персонажей отношения с женщиной эквивалентны отношениям с бытием в целом. При этом “универсальность” платоновских героинь проявляется в разнонаправленных, амбивалентных качествах: с одной стороны, акцентируется метафизическая природа, спиритуальность, “бестелесность” женщины, с другой – подчеркиваются ее сугубо “физические” качества, в том числе сексуальная всеотзывчивость» (с. 28).

В повести «Эфирный тракт» довольно много женских персонажей. «Просто» женщины, лишённые индивидуальных черт и имен, это своеобразные фоновые, но не менее важные в контексте повести персонажи, ведь, согласно Платонову (2016), «она родила все, оттого у нее нет личности, оттого она такая неуловимая и непонятная, потому что отдалась всему, приобрела сердцем каждое дыхание» (с. 48). «Просто» женщины противопоставлены мужчинам по поведению, по отношению к миру, и, поскольку обладают особыми, исконно женскими характеристиками, они подчеркивают и оттеняют маскулинность мира. Безымянные, лишённые индивидуальности женщины «Эфирного тракта» сливаются в единое целое, являют собой саму плоть и дыхание мира. Они рожают материю, которую потом преобразовывают мужчины.

Впервые с этим безымянным образом, «просто» женщинами, мы встречаемся в самом начале повести. Платонов описывает Паршевку, где живет Михаил Кирпичников, как бездушное царство косной материи, отгородившееся от некоего неведомого страха от мира и забывшее о биении жизни: «Жители, казалось, были напуганы какой-то недавней страшной катастрофой и скупко собирали крошки со стола в своем занавешенном глухом жильё». Слободчане ведут жизнь сытую, но бессмысленную, «скучную и гнусную». Выделяются в среде слободчан лишь женщины, которые «красивы и молчаливы». Все новое, что появляется в слободе – «бочки, банки и всякие иные сосуды с маринованной и соленой едой, уготованной впрок», – создают они, рождая, производя, множа материю. Здесь Платонов (2016) впервые в повести сталкивает мужчин и женщин, рассуждая об их различиях: «Женщины человечнее мужчин; они, наверное, не любили ни мужей своих, ни этого скудного города, где у жизни не было никакого вопля» (с. 8). По сути, Платонов подчеркивает здесь главное различие между женщинами и мужчинами: женщины – это материя, это пассивная, дремлющая сила; чтобы ее привести в движение, нужна энергия, которую воплощает в себе мужчина. Женщины смиряются с обстоятельствами, безропотно принимая свои извечные обязанности жены и матери; они не способны к кардинальным переменам, к взрыву, к бунту: все это черты мужчины. Именно здесь, в тихой, сытой слободе, как в материнском чреве, вызрел и вырос герой «Эфирного тракта», Михаил Кирпичников.

В другом месте, когда Платонов (2016) описывает гибель корабля в океане, он вновь возвращается к противопоставлению мужского и женского начала: «Стоял шум гибели и жалкий визг предсмертного отчаяния. Женщины хватили ноги мужчин и молили о помощи. Мужчины их били кулаками по голове и спасались сами» (с. 53). Здесь писатель вновь подчеркивает активное, деятельное мужское начало.

На наш взгляд, образы «просто» женщин играют важную роль в «Эфирном тракте». Они не просто составляют некий фон действия, но воплощают в ткани произведения концепцию писателя: Андрей Платонов (2016) разделяет людей на мужчин и женщин, противопоставляя их, и подчеркивает, что женщины пусть и не имеют мужской активной преобразовательной силы, но обладают красотой, мудростью, бесконечным терпением, т.е. чертами, способными хранить мир в катаклизмах глобальных изменений и менять мир и людей исподволь. Согласно «Эфирному тракту», женщины – важная часть человечества. Мало того, что женщина способна к рождению нового; она является носителем черт, отсутствующих или в меньшей мере присущих мужчинам, и неперменной спутницей мужчины, дополняющей и уравновешивающей его энергию. Так, в повести даже персонажи-мужчины, относящиеся к категории активных преобразователей мира, имеют таких спутниц. Ярким доказательством этому, на наш взгляд, может служить Исаак Матиссен: постепенно утративший в работе всю свою человечность, он не понимает эмоциональности Михаила Кирпичникова, считая, что это сентиментальность из-за семейной жизни, тем не менее, умирая, видит перед собой образ матери: «Черная кровь бурей ворвалась в мозг через разорванную вену и затормозила пульсирующее боевое сердце. Но последний образ Матиссена был полон человечности: перед ним встала живая измученная мать, из глаз ее лилась кровь, и она жаловалась сыну на свое мучение» (с. 58).

Женщины Аюны, найденные в тундре, обладают теми же чертами: они спутницы мужчин, носительницы таких качеств, как изящество, стремление к красоте: «У женщин сохранились розовые щеки и тонкий аромат легкой гигиеничной одежды». Или в другом месте: «Мужчина был стар, женщина молода. Вероятно, отец и дочь... Мужчина крепко сжимал женщину, как бы защищая ее покой и целомудрие для смерти» (Платонов, 2016, с. 34). В этих отрывках, как и в отрывке, связанном с предсмертным видением Матиссена, мы видим, что женщины – это то начало, ради защиты которого трудится и живет мужчина. Отсюда мы можем сделать вывод, что в «Эфирном тракте» женские персонажи, по крайней мере, те, которые лишены имен и индивидуальных характеристик, являются воплощением силы земли и природы. Дополнительным тому доказательством, на наш взгляд, является то, что Платонов описывает научное озарение в терминах сексуального акта: «Как в женщину, вонзилась в его сознание сияющая догадка и прополосовала мозг, как падающая звезда. Это было так же странно и безумно, как ребенок хватается сосцы матери, как момент зачатия в девственном теле» (с. 71), а о действиях Матиссена в отношении природы говорит как о насилии.

Женские персонажи, обладающие именами, воплощают в «Эфирном тракте» три стадии или, точнее, возраста женственности.

1-й возраст, старческий (Мокрида Захаровна, мать Матиссена), воплощает в себе идею беспокойной заботы. Так, старушка Мокрида Захаровна, которая приносит еду работающему дома Попову и убирает в его комнате, выражает эту беспокойную заботу в словах, обращаясь к ученому как к неразумному дитяти: «Сидит-сидит, учится-учится – переучится, – и начинает ум за разуменье заходить! Поешь, голубчик, отдохни, ан и сердце отойдет, и дума утихнет...» (Платонов, 2016, с. 12). Все, что может сделать старушка, утратившая с возрастом и красоту, притягательную для мужчин, и детородную способность, – это заботиться о мужчинах как о детях, пытаться предостеречь их от неверных действий, как это делает, пусть и поздно, образ матери Матиссена.

2-й возраст: юность, становление женщины. В Вале Кроховой, в американке Руфи, как и в юной дочери Аюны, женственность лишь начинает раскрываться. Руфь очень понравилась Михаилу Кирпичникову: «...она была ласковая и миловидная... прилежна в работе, имела твердые руки и смело водила “форд”. Она же завела всеми машинами и орудиями на ферме и была за машиниста на водокачке, которая подавала воду на орошение сада. Руфь была русая, голубоглазая и по характеру, по сердечности и серьезности напоминала русскую» (Платонов, 2016, с. 49). Кирпичникову, оставившему и родину, и жену с детьми (в представлениях Платонова в «Эфирном тракте» мы, думается, можем рассматривать эти два образа как синонимичные), Руфь напоминает о России, быть может, даже звучанием своего имени (Руфь/Русь). Рядом с ней беспокойный, деятельный Михаил Кирпичников на время обрел в США родину, желая здесь остаться.

Другое дело – Валя Крохова, влюбленная в Егора Кирпичникова. Эту юную девушку мать Егора считает человеком близким сыну и настолько для него важным, что пускает Валу к Егору, даже когда тот работает: «В это время, когда человеку надо либо творчество, либо зачатие новой жизни, в дверь Егора постучали. Значит, пришел кто-то близкий или важный, кого впустила даже мать Егора, жестоко хранившая рабочий и трудный покой своего сына» (Платонов, 2016, с. 75).

Вале всего 20 лет. По Платонову (2016), это возраст принятия важнейшего в жизни решения: «...полюбить ли одного человека или любовную силу обратить в страсть познания мира? Или, если жизнь в тебе так обильна, объять то и другое?» (с. 75) Химик по образованию, Валя тем не менее склоняется в своем выборе не к науке и познанию; она полна жизни, человеческой страсти и доверия и именно этим красива: «Ищущая юность, жадные глаза, эластичная душа, не нашедшая центра своего тяготения и заключенная в оболочку пульсирующих мышц и бьющейся крови... Нерешенность, бродяжничество мысли и неверные черты доверчивого лица – удивительная красота молодости человека» (с. 75). Разговор Вали с Егором говорит о том, что сфера ее интересов – личная жизнь, «страсть пола», а не наука: ей интересно прежде всего дело, которым занимается Егор Кирпичников, иными словами, ей важен сам Егор, ушедший в науку, хотя он и не обращает на девушку, «милую, такую человечную и женственную», никакого внимания. Воплощение чистоты и юношеской наивности, Валя читает Пушкина, играет на рояле этюды Николая Метнера, композитора-романтика: в своем возрасте, не обладая опытом, знаниями, достаточным умом, Валя не способна стать Егору, герою-преобразователю, настоящей спутницей, товарищем в его борьбе за преобразование мира.

3-й возраст: возраст зрелой женственности. В «Эфирном тракте» этот возраст, безусловно, связан с главным женским персонажем, Марией Александровной Кирпичниковой. В ней исследователи отмечают черты супруги Андрея Платонова (2016), Марии, которая тоже была учительницей в селе Волошино: «У Марии там были девичьи воспоминания, одинокие годы, милые дни прозревающей души, впервые борющейся за идею своей жизни. В оправе скудных волошинских полей лежала душевная родина Марии Кирпичниковой. Михаила Кирпичникова влекла в Волошино любовь к жене и ее тихому прошлому» (с. 28).

Образ Марии Кирпичниковой тесно связан с Валей Кроховой, так же как Михаил связан с Егором. Но если в Егоре развивается, находит свое продолжение персонаж Михаила, то Валя в «Эфирном тракте» не способна стать такой женщиной, какой стала для своего мужа и сына Мария Кирпичникова: верной спутницей, соратницей, поддерживающей в мыслях и делах, верно чтящей их память после смерти. Мария Кирпичникова прежде всего жена, – воплощение женской любви, заботы, терпения, жертвенности. Но также она женщина-мать, пристрастная, выбирающая из двух своих сыновей Егора, столь похожего на своего отца. Функция женщины-матери находит отражение и в публицистических работах Платонова (2004). В статье «Душа мира» писатель так говорит о смысле жизни женщины: «Если дитя – владыка мира, то женщина – мать этого владыки, и смысл ее существования – в сыне, в своей радостной надежде, творимом сыном. То есть смысл ее

жизни такой же, как и у всего человечества, – в будущем, в приближении родного и желаемого. И поэтому в женщине живет высшая форма человеческого сознания – сознание непригодности существующей вселенной, влюбленность в далекий образ совершенного существа – в сына, которого нет, но который будет, которого она уже носит в себе, зачатого совестью погибающего мира, виновного и кающегося» (с. 47). Иными словами, женщина своим существованием подготавливает будущее, способное искупить зло прошлого и настоящего: Мария Кирпичникова родила и воспитывала сына, чьи идеи, чья деятельность способна искупить грехи вселенной. Здесь очевидны христианские мотивы: образ Марии Кирпичниковой в ипостаси женщины-матери накладывается на образ Девы Марии, а в образе Егора, невинно погибшего в цвете лет, – образ Христа-Искупителя.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Согласно статье «Душа мира» (1920 г.), женщина, как существо амбивалентное, является носителем идеи одновременно идеи греха и искупления, а потому художественный женский образ у Платонова исполнен глубокого символического смысла.

В фантастической повести «Эфирный тракт» женские образы представлены двумя категориями: безымянные и безликие, с одной стороны, и индивидуальные – с другой. В безымянных и безликих женщинах «Эфирного тракта» воплощается идея о плоти мира, ждущей лишь искры энергии от мужчины, деятеля и преобразователя. Женщина, находясь рядом с мужчиной, одушевляет и его, и его деятельность, добавляя человечность в творения мужчины, начала деятельного, а потому агрессивного. Если рядом нет мужчины-деятели, мужчины-созидателя, женщины множат косную материю мира; но если в активное мужское начало не добавляется женской человечности, активность переходит в агрессию, в бессмысленное разрушение.

В основных, индивидуализированных женских персонажах «Эфирного тракта» отражаются три возраста и три функции женственности: юность, дочь и возлюбленная; зрелость, супруга и мать; старость-нянька. Выстраивая в женских образах «Эфирного тракта» свою типологию женского начала, А. П. Платонов убедительно демонстрирует, что ранний, юношеский возраст еще не вполне обрел женскую силу: Егор не обращает внимания на красавицу Валу; а старческий возраст уже потерял и обаяние, и детородную силу, а потому способен лишь выполнять функции заботливой, ласковой нянюшки, обеспечивая мужчине комфорт в его деятельности и пытаясь предостеречь с позиций своего многотрудного жизненного опыта от неверных мыслей, неправильных действий. Таким образом, А. П. Платонов выделяет в повести идеальный женский образ – Марию Кирпичникову – который всецело принадлежит к возрасту-зрелости. В Марии воплощается и притягательность, и материнская забота, но при этом она остается своему мужу и, гораздо полнее, сыну – соратницей, товарищем в их труде преобразователей. В Марии Кирпичниковой проявляются в повести и черты жены писателя, и черты Девы Марии, Богородицы, с ее жертвенностью, любовью к Сыну-Искупителю.

Индивидуальные женские образы «Эфирного тракта» дополняют, оттеняют и позволяют глубже понять образы мужчин, с которыми находятся рядом. Примером тому являются Исаак Матиссен: лишенный подруги, женщины-товарища, обязательного условия и начала преобразования мира, он теряет человечность и разум, превращаясь в агрессора, насильника над природой. Другой пример – Егор Кирпичников: мать Мария помогает увидеть в нем черты Христа-Искупителя.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном и углубленном изучении женских образов в публицистическом и художественном наследии Андрея Платонова, в изучении того, как в женских образах преломляется платоновская философия «сокровенного человека».

Источники | References

1. Баршт К. А. Художественная антропология Андрея Платонова. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2001.
2. Кириллова И. В. Типология героев А. Платонова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5.
3. Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки: Хельсинкский университет, 2000.
4. Малыгина Н. М. Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интелесных вещах») // Русская литература. 1977. № 4.
5. Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова. М.: Из-во МПУ, 1995.
6. Митина Н. Г. Экология женщины в философской концепции А. Платонова // Известия Дальневосточного федерального университета. 2008. № 3.
7. Платонов А. П. Сочинения. Научное издание: в 2-х т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2.
8. Платонов А. П. Сочинения. Научное издание: в 4-х т. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. Кн. 1.
9. Чернышева Е. Г. «Заготовка граждан впрок»: миф о советском материнстве и детстве в драматургии А. П. Платонова 1920-1930-х гг. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4.
10. Яблоков Е. А. Женский образ в художественном мире Андрея Платонова в аспекте символизма // Филологични науки. 2015. № 20.

11. Яблоков Е. А. О типологии персонажей А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие; Наука, 1994. Вып. 1: по мат. I Междунар. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А. П. Платонова (г. Москва, 20-21 сентября 1989 г.).
12. Яблоков Е. А. О философской позиции А. Платонова (проза середины 20-х - начала 30-х годов) // Russian Literature. 1992. Vol. XXXII.

Информация об авторах | Author information

Хейдари Марзийе¹

¹ Московский педагогический государственный университет

Heidari Marzieh¹

¹ Moscow State Pedagogical University

¹ heidarimaarzieh@yahoo.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.01.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): Андрей Платонов; повесть «Эфирный тракт»; типология женских образов; мужские образы; статья «Душа мира»; Andrey Platonov; novella “The Ethereal Tract”; typology of women’s images; men’s images; article “The Soul of the World”.